

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ВОЗДУХ ЭЛЬБЫ

Девятого мая 1945 года несколько подростков из четвёртого класса калужской 13-ой школы спешили на уроки. На плечах у них висели матерчатые противогазные сумки, набитые учебниками и тетрадями.

Когда они подымались в горку по Пушкинской улице, то слышали стук многих открывающихся окон, из которых знаменитый баритон Левитана возвестил о безоговорочной капитуляции Германии и о нашей долгожданной победе...

Пушкинская улица в те времена состояла, в основном, из деревянных одноэтажных домов, почти ничем не отличающихся от деревенских изб, с замкнутыми дворами, дощатыми заборами, плотными воротами, калитками с железными коваными ручками, огородами на задах и палисадниками, примыкавшими к фасадам, в которых росла густая душистая сирень... В самоабвенной радости мы набросились на кусты сирени, наломали чуть ли не на глазах изумлённых хозяев несколько букетов и помчались в школу, к учителям, среди которых было трое израненных мужчин, пришедших с войны. Они приходили на уроки в гимнастёрках, в сапогах, с колодками на груди. Это были наши преподаватели – директор школы Анатолий Сергеевич Туликов, учитель физики Сергей Васильевич Инютин и военрук, которого по причине малого роста мы называли именем какого-то французского короля “Пипин Короткий”. Мы опоздали на целый урок, но охапки душистой сирени, вручённые фронтовикам, искупили в этот день все наши прегрешения.

Второй день Победы, который страна отпраздновала через 20 лет, в 1965 году я запомнил также во многих подробностях, поскольку он впервые в истории был объявлен нерабочим днём... До сих пор я сожалею, почему Иосиф Сталин не сделал этого в 1945 году. Ведь именно день Победы, наверное, был самым звёздным днём в его жизни. Почему же он не наградил народ, который всю войну днём и ночью работал на победу и за здоровье которого вождь произнёс знаменитую здравицу, ещё одним глотком свободы, ещё одним дополнительным праздником памяти, души и сердца?

Объяснение одно: Сталин помнил, что на освобождённой земле стоят руины 1700 больших и малых городов, 70 тысяч разорённых сёл и деревень, и в этих условиях даже один-единственный дополнительный праздничный день в году он не имел права подарить народу...

Во одной из встреч со Сталиным Мао Цзедун, боготворивший советского вождя, однажды задал ему вопрос – внешне простой, но для людей их масштаба основополагающий: как управлять народом? На что Сталин после короткого раздумья ответил: “Народ должен работать”. Суров был властитель полумира. Но, глядя на наше время, на вымирающие моногорода, на остовы заводов и фабрик с выбитыми окнами, на провалившиеся крыши пустых коровников, на заросшие кустарником пашни, понимаешь правоту сталинской

суровости, ибо не работающий народ спивается, деградирует и разрушается. Забвение библейской истины — “в поте лица своего будешь добывать хлеб свой”, свобода от уз долга и болтовня о правах человека, о том, что “свобода лучше несвободы” — путь гибельный. Именно о такой свободе писал во время разрухи 1919 года Сергей Есенин:

*Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.*

Но, как бы то ни было, в 1965 году время было совсем другим, нежели в году 1945-м. Страна отстроилась, раны войны, которые были бы смертельными для любого другого народа, кроме русского, были залечены, и нужда в мобилизационной эпохе почти миновала. Люди возжаждали нормальной жизни, стабильности, свободного времени, и брежневская власть пошла навстречу их желаниям.

*Калуга, как и вся страна,
Своих героев разыскала,
Восстановила имена
И привинтила ордена
Из разноцветного металла.*

*В Москве и в Киеве салют —
Да так, что слышно в целом мире
И ветераны водку пьют,
И песни старые поют.
Куда ни глянь, в любой квартире.*

*Не то чтобы работать лень,
Всю жизнь работаем — не ропщем.
Но смысл велик, что этот день
Навек объявлен нерабочим.*

*Наш праздник весел и тяжёл:
Он слава, но и он же тризна,
Недаром по стране прошёл
Девятый вал патриотизма.*

*Недаром синяя весна
В полях или в домашних стенах
Вновь высветляет имена
Забывших или незабвенных.*

День Победы... Однако случилось так, что с конца 30-х годов и до осени 1945-го на земном шаре шли, в сущности, две войны: наша Великая Отечественная и Вторая мировая. Цели их были во многом разными, а потому итоги войны понимались полководцами, политиками и историками по-разному.

Советский Союз как главный победитель в войне получил право на то, чтобы выстроить на западных границах “санитарный кордон” для своей безопасности из государства, бывших фашистских сателлитов восточной Европы, ставших по воле Сталина странами “народной демократии”. Мы получили Калининградскую область и Курильские острова, поскольку Япония была составной частью преступного триумvirата Рим—Берлин—Токио и поимела свой не столь шумный, но всё-таки Нюрнбергский процесс, о чём почему-то наши нынешние политики, видимо, из соображений толерантности “забывают напомнить” нынешним японским реваншистам... А Сталин, который, помимо прочих достоинств, был ещё и выдающимся дипломатом, добился того, что СССР за решающий вклад в победу над нацизмом получил в ООН целых три голоса...

Но, как показала дальнейшая история второй половины XX века, мировое зло в том легендарном мае побеждено не было, в том числе и потому, что по-

бедители думали не о высшем добре и не о всемирной справедливости, а о том, кто после страшной войны будет диктовать свою волю мировой истории.

Все великие люди той эпохи – президенты, генералиссимусы, премьер-министры, полководцы и дипломаты носили в самих себе противостояние двух цивилизаций – демократической западной и коммунистической восточной. Поэтому наша, на первый взгляд, общая победа сразу же обернулась трагедией Хиросимы, Фултонской речью Черчилля, расчленённой Германией, – одним словом, холодной войной с её берлинским, будапештским, а потом и карибским кризисами, с её кровопролитными войнами в Корее, во Вьетнаме, в Афганистане. И сегодня нам с горечью приходится признать, что во второй половине XX века страны-союзники праздновали каждая свою отдельную победу.

Однако весной 1945 года произошло событие, которое почти объединило и западное и наше понимание Победы. Это была встреча на Эльбе англо-американских и советских воинов, состоявшаяся 25 апреля. Именно тогда солдаты и офицеры союзных армий возле города Торгау, не ожидая приказов Сталина, Черчилля или Рузвельта, обнялись со слезами на глазах на берегах легендарной с тех пор реки, вспомнили своих погибших товарищей и налили друг другу по чарке водки или виски и перевернули в отношениях народов новую, чистую и бессмертную страницу мировой истории. Тогда на Эльбе они были “дипломатами” не правительств, но своих народов.

И потому я был рад, когда узнал, что об этой встрече и вообще о лучшем и самоотверженном мгновении нашего “союзничества” вспомнили не кто-нибудь, а именно русские люди в сегодняшней России.

Дело в том, что в прошлом году я получил приглашение на просмотр фильма “Союзники”, идея которого принадлежит моему другу, русскому интеллигенту и деловому человеку Александру Константиновичу Смолко.

Он не только задумал этот фильм, но и вложил в его создание много труда и немалые средства. И отличного режиссёра нашёл – известного в мире документального кино Сергея Зайцева.

Сюжет фильма предельно прост, правдив и по-человечески трогателен. Он представляет исторический фон, созданный из документальной хроники военных действий на европейской суше и на Северном море с потрясающими картинками борьбы кораблей Северного конвоя с фашистскими подводными лодками, с картинками гибели английских и американских моряков в ледяной пучине, со знаменитыми фото- и кинокадрами встречи союзников на Эльбе.

На этот исторический фон время от времени накладываются лики и фигуры двенадцати стариков (самому молодому из них 83 года). Каждый из них делится с нами воспоминаниями о войне. Эти слова дорогого стоят.

Шотландец Джок Демпстер, одетый в клетчатую шотландскую юбку, глядит с крутого скалистого берега в морскую даль и вспоминает свой первый конвой в зимний Мурманск. Его воспоминания заканчиваются словами:

“Не переставайте преклоняться перед русскими”.

Ныне американец, а в прошлом бывший советский офицер, Леонид Розенберг, встретивший на Западной границе первые налёты гитлеровской Люфтваффе, вспоминает дни отступления:

“Женщина у плетня стояла, четверо детей у неё, рыдала нам вслед: “На кого вы нас оставляете!”

Уильям Картер, лейтенант американского флота, обморозивший ноги в Северном море участник легендарного конвоя PQ-17, до сих пор носит в памяти благодарность “советским русским”:

“Они выиграли для нас время, чтобы мы опомнились после Пёрл-Харбора”. Он собирался приехать в Россию на 65-летие Победы, но заболел и умер.

Генерал в отставке Семён Ермаков, начинавший войну рядовым солдатом, ставший лейтенантом в апреле 1945 года, вспоминает:

“В нашем солдатском сознании жила мысль, что мы не одни... Мы высоко ценили помощь союзников – пищу, ботинки, шинели, студебекеры. Покрышкин летал на “Аэрокобре”.

В фильме сняты трое французских ветеранов. Один из них, Морис Кордые – переправлялся осенью 1944 года через Ла-Манш в составе отрядов де Голля:

“Увидели французский берег... Родина! Песню запели “Путь далёк до Типперери и до Англии родной”... С нетерпением ждали приказа идти на Париж, на помощь парижским повстанцам”. Он вошел в Париж на

французском танке, потом воевал под Страсбургом, штурмовал дачу Гитлера в Баварии.

В фильме говорят и немцы-антифашисты, воевавшие в Красной армии, и бывшие узники Бухенвальда, и немецкие солдаты, служившие в частях вермахта. **“Я их нашёл в Германии, — рассказывает режиссёр Сергей Зайцев, — один из них воевал на Украине, другой помнит Великие Луки... оба сражались в последние дни войны на Зееловских высотах, а сегодня эти старики приносят цветы к памятнику Советскому солдату, стоящему на тех же высотах”.**

А какова судьба Игоря Белоусовича! Потомок русских эмигрантов, родившийся в Шанхае, вырос в Америке, ушёл служить в американскую армию, был участником встречи на Эльбе.

В последующих кадрах фильма появляется длинная колонна пленных немцев, бредущая по Берлину, показан дом, где была подписана капитуляция, на экране скульптурное суровое лицо маршала Жукова, Кейтель нервно ставит свою подпись под историческим актом — и вокруг наши офицеры и генералы. Сколько же в их лицах, фигурах, движениях достоинства и величия победителей!

Когда на полях сражений погибали наши солдаты, они знали, что рискуют своими жизнями за свободу и независимость нашей Родины, за своих отцов и матерей, за жён и детей, за жизнь грядущих поколений.

Когда же в северных пучинах раскалывались поражённые немецкими торпедами корабли, когда американские и английские моряки погружались в ледяную воду — то они погибали не за родину (ни разу на землю Англии и Америки не ступала нога оккупанта) — они просто и честно выполняли “союзнический долг”. “Люди тёплые, живые шли на дно, на дно, на дно” — у Твардовского сказано о своих, но ведь и союзники были “люди тёплые, живые”. Они не знали двух секретных установок, которые впервые ввёл в научный обиход Вадим Кожин:

“В первой безоговорочно утверждалось, что Великобритания и США “не должны принимать никакого участия” в войне России и Германии; во второй, что именно Россия, а не Германия является истинным врагом Европы <...> во время Сталинградской битвы он (Черчилль. — Ст. К.) писал: “Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе... произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств, хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое... Я обращаю свои взоры к созданию объединённой Европы”.

Вот где таятся истоки холодной войны против СССР: в мечте о создании “объединённой Европы” под властью не гитлеровского рейха, но Англии и Соединённых Штатов Америки, о политике которой Вадим Кожин пишет так: **“Приведу заявление сенатора и будущего президента США Гарри Трумена, сделанное 23 июня 1941 года, то есть на следующий день после нападения гитлеровской Германии на СССР: “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше”. <...> Сказано это не в узком кругу, а корреспонденту популярнейшей газеты “Нью-Йорк таймс”.**

Однако простым чернорабочим войны — американцам и англичанам не были известны эти коварные замыслы Черчилля и Трумена, которые, конечно же, разделяла и часть американской элиты, и потому спустя 65 лет после окончания Второй мировой её последние ветераны, дышавшие когда-то живительным воздухом Эльбы, герои и персонажи фильма “Союзники”, обратились к нынешним “наследникам мировых владык” со следующим письмом.

“Уважаемые господа!

Мы, участники Второй мировой войны, обращаемся к вам, лидерам крупнейших мировых держав. Бог дал нам выжить в страшной войне и прожить долгую жизнь. Наше участие в фильме “Союзники” и это письмо, может быть, последнее, что мы можем сделать в этой жизни. В этом фильме мы ещё раз рассказали нашу правду о войне. О войне глазами солдат. Мы рассказали о том, какая страшная штука война. Какую высокую цену пришлось заплатить, чтобы она закончилась. Миллионы людей отдали свои жизни за то, чтобы могли жить мы и наши потомки, и было бы оскорблением их памяти говорить

о том, что кто-то воевал хорошо, а кто-то воевал плохо. Мы честно воевали, мы знали, что конец войны означает начало новой жизни, жизни без воздушных налётов, артиллерийских обстрелов, без тысяч новых убитых и раненых.

Война закончилась. Конца войны хотели все – и победители, и побеждённые. Мы хорошо помним эти дни, их забыть нельзя. Не будет преувеличением сказать, что эта первая послевоенная весна была праздником для всех, для кого-то, может быть, со слезами на глазах, но праздником. Для нас, рядовых солдат, апогеем этом праздника была встреча союзных войск на Эльбе 25 апреля. Этот день был поистине всенародным праздником. Мы верили тогда, что дух военного братства, веры друг в друга, “дух Эльбы” сохранится навсегда, что никогда мы больше не будем воевать друг против друга. И вот уже более 70 лет мы не знаем мировых войн. Бог дал нашим лидерам разума уметь договариваться, спасибо вам за это, но дух послевоенной весны 1945 года, “дух Эльбы” утрачен. Утрачено то, за что заплачено десятками миллионов жизней – и нам, живым свидетелям того времени, очень обидно за происшедшее. За более чем 70 послевоенных лет в мире многое изменилось – закончилось противостояние двух систем, упал “железный занавес”, открылись границы, у людей появилась возможность лучше узнать друг друга, и, слава Богу, ещё живы люди (их всё меньше и меньше), которые помнят “дух Эльбы”, которые понимают, как важно сохранить его для потомков.

Уважаемые господа, ваши предшественники вошли в историю как лидеры антигитлеровской коалиции, как лидеры, сумевшие сохранить мир на планете в период холодной войны, вы имеете шанс войти в историю как лидеры, сумевшие возродить дух военного братства, дух дружбы и доверия, “дух Эльбы”. День встречи на Эльбе, 25 апреля, должен быть объявлен праздником в стране, лидерами которых вы являетесь. Помните, что для простых людей в войне нет победителей и побеждённых, есть десятки миллионов убитых и искалеченных, и есть те, кому суждено было остаться в живых, и наш долг перед Богом и людьми сказать ещё раз, что самое дорогое в жизни – это жизнь, а дух Эльбы – это гимн жизни”.

Далее идут подписи всех героев фильма “Союзники”

* * *

Ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Трумен, ни Сталин не были воплощением духа Эльбы, и это вполне естественно. По-иному и быть не могло. Страны Европы, добровольно сложившие в конце 30-х годов свои суверенитеты к ногам Гитлера, вошедшие в его “тысячелетний Рейх” и отправившие своих сыновей в “Дранг нах Остен”, после поражения неизбежно должны были сложить тот же суверенитет к ногам Сталина. За нашу победу над абсолютным злом это было умеренной и естественной платой. Как бы сейчас ни взвизгивали отдельные голоса прибалтов, венгров, поляков, румын, японцев... (Кстати, Сталин, в отличие от Черчилля, не затаил наш “второй фронт” против Японии, но выполнил, как честный политик, все свои обязательства в назначенные сроки.) Такой поворот европейской истории был неизбежен... Оккупация? Да, на первых порах неизбежная оккупация. Но нет худа без добра. Русская пословица об этой диалектике истории говорит убедительнее, нежели вся философия Гегеля. Добро это было, конечно, не абсолютным, а временным, историческим, принесённым в Восточную Европу на советских штыках.

Дух Эльбы не мог в те времена повлиять на мировую политику, потому что ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Трумен никогда бы не поняли американского офицера Жозефа Половского, участника встречи на Эльбе, который в послевоенное время мечтал не о холодной войне, а о “сближении Востока и Запада”; всю послевоенную жизнь он выпускал самиздатовские брошюры и журналы, в которых в котором доказывал необходимость этого сближения и объяснял политикам, что 25 апреля 1945 года должно стать международным днём памяти.

В юбилейном 1955 году, в разгар холодной войны, он приехал в Москву и сказал: **“Моя мама велела мне – поезжай к русским с открытым сердцем и скажи, что мы никогда друг с другом не будем воевать”**. А ещё он завещал: **“Когда умру, пусть меня похоронят около Торгау”**; **“Похороны на Эльбе пусть поспособствуют делу мира”**...

Он умер в 1983 году, но если бы дожил до наших времён, его подпись под воззванием ветеранов Второй мировой должна была бы стоять первой.